

ками исторических сведений, чем предметом историко-литературных наблюдений. Однако свою книгу Платонов называет «сводом литературных характеристик», которые при дальнейшем изучении предмета могут пополняться, но «всегда будут служить точкой отправления для будущих изысканий», как «первый шаг к изучению данного историко-литературного явления».²⁹

Книга С. Ф. Платонова дает для литературоведа ряд ценных исторических и библиографических указаний, пытается установить хронологию последовательного появления памятников и их зависимость друг от друга, разбирает их источники и отдельные редакции, характеризует авторов и попутно касается литературных достоинств того или иного памятника. Автор указывает в разбираемых им повестях и сказаниях о «Смуте» стремление к риторической красоте изложения в ущерб исторической точности, а также наличие агнографического и фольклорного элемента. Все эти замечания и указания действительно могут в известной степени служить отправной точкой при изучении произведений первой трети XVII в. как памятников литературных. Однако, являясь представителем буржуазной науки, С. Ф. Платонов, исследуя историческую ценность произведений начала XVII в., недостаточно полно раскрывает их идейный смысл, отрицает их от исторических условий, в которых они возникли. Отмечая любопытные сдвиги в мышлении писателей начала XVII в., он не объясняет и не обобщает их.

Эту недооценку идейной стороны произведений в работе Платонова в свое время отметил В. О. Ключевский.³⁰ Анализируя выводы Платонова, Ключевский указывает, что «автор не вводит в состав этого материала политических мнений и тенденций, проводимых в памятнике, считая их только „литературными“, а не историческими фактами и, таким образом, смешивая или отождествляя не вполне совпадающие понятия исторического факта и исторического события или происшествия». Сказав о той роли, какую сыграли в дни «Смуты» «Повесть попа Терентия» и некоторые другие произведения, Ключевский указывает далее на разнообразие жанров, использованное авторами произведений о «Смутном времени», на литературное и историческое значение «Временника» Тимофеева как историко-политического трактата, «автор которого знает приемы научного изложения и требования исторической объективности и умеет их формулировать: под неуклюжей вычурностью его изложения просвечивают исторические идеи и политические принципы». Дав такую общую характеристику труда Ивана Тимофеева, В. О. Ключевский не развивает своих положений подробно, и перед читателем встает вопрос, какие же идеи и политические принципы проводит Тимофеев в своем труде и какими приемами изложения он пользуется, чтобы выполнить требования исторической объективности. Не анализируется им, естественно, и «неуклюжая вычурность» стиля. Ключевский отмечает также литературную стройность и оригинальность статей о «Смуте» в Хронографе 1617 г.³¹

Совершенно согласен с Ключевским и В. С. Иконников. Он указывает на разнообразие у писателей эпохи «Смуты» изложения и в з г л я д о в н а

²⁹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник. Сочинения, т. II, стр. XVI—XVII.

³⁰ В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова. Отчет о присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1890, стр. 53—56; Приложение к «Запискам Академии наук», т. 53, № 9, стр. 57.

³¹ В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова. Отчет о присуждении наград гр. Уварова, стр. 53—56; Приложение к «Запискам Академии наук», т. 53, № 9, стр. 57.